

На правах рукописи

Адил Чагры

**РОЛЬ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В ПРИНЯТИИ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: ОПЫТ РОССИИ И ПОЛЬШИ**

Специальность 5.5.4.

«Международные отношения, глобальные и региональные исследования»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата политических наук

Нижний Новгород

2025

Диссертация выполнена на кафедре политологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель

Сергунин Александр Анатольевич,
доктор политических наук, профессор
кафедры политологии ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

Официальные оппоненты

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна,
доктор политических наук,
и.о. директора Высшей школы
международных отношений
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого»
Данилов Дмитрий Александрович,
кандидат экономических наук,
заведующий Отделом европейской безопасности
ФГБУН Институт Европы РАН

Ведущая организация

ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

Защита состоится «31» мая 2025 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета 24.2.340.08 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2025/1544/diss-ADIL-1544.pdf>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2025 г.

Учёный секретарь диссертационного
совета, кандидат исторических наук

Белашенко Дмитрий Александрович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена двумя группами факторов.

Во-первых, огромный интерес для науки о международных отношениях в данный момент представляет вопрос о том, как происходит процесс принятия внешнеполитических решений. Чтобы на него ответить, необходимо понимать, кто участвует в этом процессе, как создается и передается лицам, принимающим решения (ЛПР), необходимая информация, как экспертно-аналитические центры (ЭАЦ), являющиеся одними из главных её источников, влияют на процесс принятия решений и какие структурные и институциональные факторы определяют степень этого влияния. Особый интерес вызывает вопрос о том, как ЭАЦ влияют на разработку внешней политики в различных политических системах и режимах.

В англосаксонских политических системах, в рамках которых впервые появились ЭАЦ, эти центры являются относительно независимыми элементами в системах принятия решений и важной составляющей этого процесса. Однако в странах с незападными моделями демократии такие центры могут играть иные роли. Для них может быть характерна меньшая роль в принятии решений и большая связка с властными структурами.

В качестве объекта исследования были выбраны Россия и Польша. Выбор этих стран обусловлен их схожим историческим опытом: в годы «холодной войны» обе страны функционировали в рамках единой политико-экономической системы. С этой точки зрения, они обладали схожими социально-политическими и культурными характеристиками, а условия, в которых ЭАЦ начинали свою деятельность, были аналогичными.

Однако, несмотря на сходные изначальные условия социально-экономического и политического развития двух стран в начале 1990-х гг., в это же самое время между ними начали формироваться и различия в организации политической системы и процесса принятия внешнеполитических решений. В Польше формирование системы ЭАЦ пошло по пути, близкому к англосаксонской модели. Для них была характерна большая финансовая независимость, в их работе были заинтересованы не только ЛПР, но и различные политические партии, процесс принятия решений носил тогда более открытый характер.

В России, с другой стороны, определяющими участниками политического процесса стали сам президент, его ближайшее окружение и ряд влиятельных государственных институтов (например Администрация президента). Относительно низкий интерес со стороны политических партий и бизнеса к работе ЭАЦ сказывается на степени активности последних.

После прихода к власти партии «Право и справедливость» (далее – ПиС) в 2015 г. в Польше начался так называемый «демократический откат». Он привел к отходу от некоторых принципов англосаксонской модели политической системы, что повлияло на среду, в которой действуют польские ЭАЦ. В определенной степени произошло даже сближение политических систем Польши и России. В этом контексте, на примере этих двух стран, очень важно изучить изменения, произошедшие в их политических системах в современный период, дать

характеристику их влияния на возникновение, структуру, участие и влияние ЭАЦ на процесс принятия решений в области внешней политики и, в конечном итоге, получить всестороннюю оценку этой проблемы.

Польша была выбрана в качестве объекта сравнения с Россией также благодаря её значимости для анализа политической и интеллектуальной структуры региона. После России Польша занимает второе место по количеству ЭАЦ в Восточной Европе в постсоциалистический период, что делает её важным примером для изучения. Это позволяет всесторонне исследовать развитие и влияние ЭАЦ в данном регионе. Кроме того, Польша проводит активную внешнюю политику и является одним из инициаторов программы ЕС «Восточное партнёрство» (ВП), что даёт возможность глубже изучить деятельность ЭАЦ, занимающихся вопросами внешней политики. Наличие в Польше ЭАЦ, представляющих разнообразные формы и идеологии, позволяет не только изучить процессы трансформации этих организаций в Польше, но и сделать обобщения о структуре и эволюции ЭАЦ в Восточной Европе в целом. Уникальность Польши заключается также в том, что она является единственной страной региона, где политические партии активно участвуют в создании ЭАЦ. Это делает Польшу идеальной моделью для анализа экосистемы ЭАЦ в постсоциалистической Восточной Европе.

Россия и Польша также представляют собой интересный объект для сравнения из-за различий в их внешнеполитических амбициях. Россия является глобальным игроком, тогда как Польша претендует на роль регионального (европейского) лидера. В обоих случаях амбиции этих стран требуют роста как количества, так и качества информации в этой сфере, что усиливает значимость ЭАЦ в процессе принятия внешнеполитических решений.

Сравнительный анализ двух стран, обладающих наибольшим количеством ЭАЦ в Восточной Европе, позволяет сделать более общие выводы о динамике развития региона в целом. Автор выбрал следующие критерии для сравнения: структура процесса принятия внешнеполитических решений, факторы спроса и предложения в области политического анализа, позиции политических партий, состояние гражданского общества и финансирование внешнеполитических исследований. В качестве дополнительных критериев использованы такие показатели деятельности ЭАЦ, как их идеологические предпочтения, ориентация на фундаментальные или прикладные исследования (или их сочетание), квалификация экспертов, тип организации (сотрудники работают на постоянной или временной/проектной основе). При этом следует учитывать, что далеко не всегда эти характеристики могут присутствовать у ЭАЦ или о них есть доступная информация.

Второй аспект актуальности темы связан с тем, что после распада СССР Евросоюз разработал различные программы и механизмы сотрудничества в области демократизации, формирования государственных институтов и решения экономических проблем в новых независимых странах. Основная мотивация ЕС заключалась в том, чтобы обеспечить стабильность в соседних странах, устранить угрозы, исходящих от новообразованных государств, и гарантировать собственную

безопасность. Один из самых актуальных проектов в этой области – «Восточное партнёрство», который был запущен в 2009 г. как восточное измерение Европейской политики соседства (ЕПС), начатой в 2004 г. Эта инициатива, ставшая одной из причин текущего конфликта между Россией и Украиной, а также Россией и Западом в целом, была разработана при значительном участии польских ЭАЦ. Они оказали большое влияние на всех этапах развития этого проекта, начиная от выдвижения его идеи, превращения его в политическую доктрину ЕС и до его воплощения в жизнь. Они также отслеживали динамику развития этой инициативы и предлагали решения проблем, с которыми она сталкивалась. В этом отношении проект ВП важен с точки зрения демонстрации того, как реализуется сотрудничество между ЭАЦ и ЛПР.

Степень научной разработанности.

Научная литература по теме исследования подразделяется на несколько групп.

Первая группа исследований включает в себя работы, в которых даётся характеристика сущности ЭАЦ, а также истории их становления и развития (труды А.А. Балаяна, С. Дацюк, П. Диксона, И.Я. Кобринской, В.А. Филиппова, Д. Абельсона, Х. Виарды, И. Дрора, Дж. Макгэна, И. Пармара, Э. Рича, Дж. Смита, Д. Стоуна, Р. Хигготта).¹

Вторая группа работ посвящена роли ЭАЦ в политическом процессе. Их авторы придерживались различных теоретических подходов. Главные постулаты плюралистического подхода были представлены в работах Т.Р. Дая, Р. Даля, Т.Дж.

---

¹ Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли и экспертные сообщества. – Санкт-Петербург: Алетей, 2016; Дацюк С. Инструменты и технологии фабрик мысли. Магистральный путь консультирования во второй половине XX века // Фабрики мысли» и Центры публичной политики: международный и первый российский опыт. Сб. статей, под ред. Сунгурова А. СПб.: Норма, 2002. – С. 42-54; Диксон П. Фабрики мысли. – М.: АСТ, 2004; Кобринская И.Я. Мозговые тресты и внешняя политика США. – М.: Международные отношения, 1986; Филиппов В. А. Аналитические центры-стратегический интеллектуальный ресурс. – М: ЛЕНАНД (Урсс), 2007; Филиппов В. А., Богатырева Л. В. Аналитические центры вчера и сегодня. – М: ЛЕНАНД (Урсс), 2016; Abelson D.E. A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006; Abelson D.E. Think Tanks and US Foreign Policy: An historical perspectives // U.S. Foreign Policy Agenda. –2002. – Vol. 7. – № 3. – P. 9-13; Abelson D., Lindquist E.A. Think tanks in North America // Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Action / ed. by J. McGann, R.K. Weaver. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2002. – P. 37-67; Wiarda H.J. Think Tanks and Foreign Policy: The Foreign Policy Research Institute and Presidential Politics. – Lanham: Lexington Books, 2010; Dror Y. Required Breakthroughs in Think Tanks // Policy Sciences. – 1984. – Vol. 25. – P. 199-225; McGann J. The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance. – Washington: Brookings Institution Press, 2016; McGann J. Think Tanks and the Transnationalization of Foreign Policy // U.S. Foreign Policy Agenda. – 2002. – Vol. 7. – № 3. P. 13-19; McGann J. The Fifth Estate. Think Tanks and American Foreign Policy // Georgetown Journal of International Affairs. – Summer/Fall 2010. – Vol. XI. – № 2. – P. 35-42; Parmar I. Institutes of International Affairs: Their Roles in Foreign Policy-making, Opinion Mobilization and Unofficial Diplomacy // Think tank traditions. Policy research and the politics of ideas / ed. by D. Stone, A. Denham. – Manchester/New York: Manchester University Press, 2004. – P. 19-34; Rich A. Think Tanks, Public Policy and the Politics of Expertise. – New York: Cambridge University Press, 2004; Smith J.A. The Idea Brokers. Think tanks and the rise of the new policy elite. - New York, NY: The Free Press, 199; Stone D. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process. – London: Frank Cass, 2005; Stone D. Old guard versus new partisans: Think tanks in transition // Australian Journal of Political Science. – 1991. – Vol. 26. – № 2. – P. 197-215; Stone D. Think tanks and policy advice in countries in transition // How to strengthen policy-oriented research and training in Vietnam // Asian Development Bank Institute Symposium. – Hanoi, 2005; Higgott R., Stone D. The Limits of Influence: Foreign Policy Think Tanks in Britain and the USA // Review of International Studies. – 1994. – Vol. 20. – № 1. – P. 15–34.

Лоуи, О. Манаева и П.М. Сакса.² В изучение ЭАЦ с позиций элитарного подхода наиболее значительный вклад внесли Т.Р. Дай, Л.Х. Зиглер, Ч. Р. Миллс, Г.У. Домхов, Дж. С. Салома.³ Государство-центричный подход (statist approach) развивают в своих работах П. Каценштейн, Э.А. Нордлингер, П.А. Холл.⁴ Практическая роль ЭАЦ изучается в трудах Г.В. Косова, В.Н. Панина, М.А. Сучкова, Е.С. Приписновой, С.В. Старкина, А.Ю. Сунгурова, К. Вэвера, Дж. МакГанна, Р. Стрюйка, Х. Ульриха, Р.Н. Хааса, К.К. Хорна, Дж. Штиглица.⁵ Проблему влияния ЭАЦ на политический процесс исследовали Х. Виарда, Дж. Саймон, Д. Стоун, Х. Ульрих, М. Уэденбаум и др.⁶

К третьей группе работ относятся труды, посвящённые изучению сходства и различия ЭАЦ и центров публичной политики (ЦПП) между Россией и зарубежными странами (Н.Ю. Беляевой, Д.Г. Зайцева, Ю.В. Гимазовой, М.Б. Горного, А.А. Курбета, В.Л. Римского).⁷

² Dye T.R., MacManus S.A. Politics in states and communities. – London: Pearson Higher Education, 2014; Dahl R. A. A Preface to Democratic Theory. – Chicago: University of Chicago Press, 1956; Dahl R. A. On Democracy. – New Haven: Yale University Press, 2008; Dahl R. A. Democracy and Its Critics Democracy. – New Haven: Yale University Press, 1989; Lowi T. J. American business, public policy, case-studies, and political theory // World politics. – 1964. – Vol. 16. – № 4. – С. 677-715; Manaev O. Think tanks in independent Belarus: catalysts for social transformation // Banking on Knowledge: The genesis of the Global Development Network / ed. by D. Stone. – London: Routledge, 2000. – P. 65-86; Sacks P.M. State Structure and the Asymmetrical Society: An Approach to Public Policy in Britain // Comparative Politics. – 1980. – Vol. 12. – № 3. – P. 349–376.

³ Дай Т. Р. , Зиглер Л. Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. – М.: Юридическая литература, 1984; Миллс Р. Властвующая элита. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007; Domhoff G.W. The powers that be: processes of ruling-class domination in America. – New York: Vintage Books, 1979; Domhoff G.W. The Power Elite and Their Challengers: The Role of Nonprofits in American Social Conflict // American Behavioral Scientist. – 2009. – Vol. 52. – № 7. – P. 955–973; Domhoff G.W., Mills C.W. Power Structure Research, and the Failures of Mainstream Political Science // New Political Science. – 2007. – Vol. 29. – № 1. – P. 97–114; Saloma J.S. Ominous Politics: The New Conservative Labyrinth. – New York: Hill & Wang, 1984.

⁴ Katzenstein P.J. Introduction: Domestic and International Forces and Strategies of Foreign Economic Policy // International Organization. – 1977. – Vol. 31. – № 4. – P. 587–606; Nordlinger E.A. The Return to the State: Critiques // The American Political Science Review. – 1988. – Vol. 82. – № 3. – P. 875–901; Hall P.A. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // Comparative Politics. – 1993. – Vol. 25. – № 3. – P. 275–296.

⁵ Косов Г.В., Панин В.Н., Сучков М.А. Экспертное сообщество как ресурс научного обеспечения внешней политики современного государства (на примере США) // Гуманитарные и юридические исследования, 2014. - № 3. – С. 159-170; Приписнова Е.С. Научные центры Великобритании и их роль в политическом процессе // Мировая политика. – 2016. – №. 2. – С. 46-52; Старкин С.В., Приписнова Е.С. Деятельность европейских экспертно-аналитических центров: проблемы идентификации // Политика и общество. – 2016. – №. 10. – С. 142; Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли: первое приближение к анализу зарубежного опыта // Фабрики мысли и центры публичной политики, 2002; McGann J., Weaver R.K. Think Tanks and Civic Societies in a Time of Change // Think Tanks and Civil Societies. – P. 1-37; Struyk R.J. Reconstructive Critics: Think Tanks in Post-Soviet Bloc Democracies. – Washington, D.C.: The Urban Institute Press, 1999; Ullrich H. European Union Think Tanks: Generating Ideas, Analysis and Debate // Think tank traditions. – P. 21-71; Haass R.N. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: A Policy-maker's Perspective // U.S. Foreign Policy Agenda. – 2002. – Vol. 7. – № 3. – P. 5-9; Hourn K. The challenges of intervention for Cambodian think tanks // Banking on Knowledge. – P. 125-142; Stiglitz J. Globally, Reinvent Locally: Knowledge Infrastructure and the Localization of Knowledge // Banking on Knowledge. – P. 24-44.

⁶ Wiarda H.J. The New Powerhouses: Think Tanks and Foreign Policy // American Foreign Policy Interests. – 2008. – Vol. 30. – № 2. – P. 96-117; Simon J. Influencing government policy making // Banking on Knowledge. – P. 162-181; Stone D., Ullrich H. Policy research institutes and think tanks in Western Europe: Development trends and perspectives // Paper prepared for the Local Government Institute. – 2003. – P. 1-49; Weidenbaum M. Measuring the Influence of Think Tanks // Society. – 2010. – Vol. 47. – P. 134–137.

⁷ Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2008. – №. 4. – С. 139–151; Гимазова Ю.В. От «Фабрик мысли» к «Центрам публичной политики»: Международный опыт

Четвёртая группа работ включает исследования процесса возникновения, исторической эволюции, роли и функций ЭАЦ в СССР/России (труды В.В. Демидова, Д.В. Ефременко, А.С. Макарычева, М. Мейера, О. Антоненко, С.А. Брукнера, М. Сэндла, В. Якубовского).⁸ Некоторые из представленных работ были направлены на изучение советских ЭАЦ и их роли во внешней политике СССР. В этой связи следует выделить одну из ключевых работ крупнейшего российского эксперта П. Черкасова «ИМЭМО. Очерк истории»,⁹ в которой был представлен детальный анализ процесса развития одного из крупных ЭАЦ СССР/России – Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, а также его роль в принятии критически важных для руководства СССР внешнеполитических решений.

Пятая группа исследований фокусируется на развитии ЭАЦ в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ). Эти работы важны для понимания общего контекста, в котором происходило развитие польских ЭАЦ. Среди них выделяются труды болгарского политического эксперта И. Крастева¹⁰, где даётся характеристика региональных ЭАЦ и их роли в политических процессах в ЦВЕ. Автор рассматривает влияние этих организаций на формирование логики политических реформ и их вклад в развитие либеральной демократии западного образца, а также анализирует специфические условия, в которых действуют ЭАЦ в бывших социалистических странах.

Ж. Эбеле, С. Бучер¹¹ и Р. Стрюйк¹² рассматривают эволюцию ЭАЦ в странах ЦВЕ со времён социализма до настоящего времени, специфические условия, в которых функционируют эти центры, описывают их основные стратегии и методы

и перспективы России // Вестник ГУУ. 2012. № 4; Горный М.Б. Центры публичной политики в конце XX – начале XXI веков // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Под редакцией А.Ю. Сунгурова. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 194–207; Курбет А.А. Публичная политика в современной России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2010. № 1 (44). С. 210–216; Римский В., Сунгуров А. Фабрики мысли, центры демократии и центры публичной политики // Фабрики мысли и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. СПб.: Центр «Стратегия». – 2002. – С. 6–29.

⁸ Демидов В.В. Отечественное экспертное сообщество: состояние и перспективы развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 103–109; Ефременко Д.В. Российская внешняя политика и экспертно-аналитические организации // Россия и современный мир. 2014. – № 1 (82). – С. 37–54; Макарычев А.С. Экспертное сообщество России при президентстве В. Путина: проблемы внутренней и внешней субъектности // Публичная политика. – 2006. – № 1 (1). – С. 102–107; Мейер М. Аналитические центры в системе российской демократии // Пределы власти. – 1994. № 1. – С. 86–98; Antonenko O. New Russian analytical centers and their role in political decision making. – Boston: Strengthening Democratic Institutions Project, Belfer Center. – 1996; Bruckner S. Think Tanks in Russia: Tottering Toward an Uncertain Future // NIRA Review, 1996. – Summer. – P. 32–36 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nira.or.jp/past/publ/review/96summer/scott.html> (дата обращения: 23.04.2020); Sandle M. Think tanks, post communism and democracy in Russia and Central and Eastern Europe // Think tank traditions. – P. 121–137; Yakubovsky V.B. A Short History of Russian Think Tanks [Электронный ресурс] // Nira, 1995 – Режим доступа: <https://www.nira.or.jp/past/publ/review/95winter/yakubo.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁹ Черкасов П. ИМЭМО. Очерк истории. – М.: Изд-во "Весь мир". – 2016.

¹⁰ Krastev I. Think tanks: Making and faking influence // Southeast European and Black Sea Studies. – 2001. – Vol. 1. – № 2. – P. 17–38; Krastev I. The liberal estate: Reflections on the politics of think tanks in Central and Eastern Europe // Think Tanks & Civil Societies. – Abingdon: Routledge, 2017. – P. 273–292.

¹¹ Ebélé J., Boucher S. Think Tanks in Central Europe. From the Soviet Legacy to the European Acquis // Available at: https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/think_tanks_in_central_europe_1_-2.pdf (date of access: 20.05.2023).

¹² Struyk R.J. Reconstructive critics.

работы, а также анализируют вклад этих организаций в политические процессы в регионе.

Кроме вышеупомянутых экспертов, Дж.Д. Кимбалл¹³ анализирует проблемы, связанные с будущим развития ЭАЦ в ЦВЕ в условиях перехода к рыночной экономике. Автор описывает различные проблемы, с которыми сталкиваются ЭАЦ в регионе, такие как ограниченность экономических ресурсов, большая конкуренция и определенные ограничения на свободу выражения мнений.

В зарубежной литературе появились и справочные издания по ЭАЦ ЦВЕ.¹⁴

Шестая группа работ посвящена конкретно польским ЭАЦ. Современное состояние польской «индустрии» ЭАЦ, типология этих центров, структура польского экспертно-аналитического сообщества, методы и направления деятельности ЭАЦ охарактеризованы в трудах К. Ежерской, П. Жбиеранека, Д. Стасьяка, М. Суса и Я. Чапутовича.¹⁵

В седьмую группу входят работы по теме ВП. В трудах А.С. Айвазян, З.З. Бахтуридзе, И.В. Болговой, Ю.А. Борко, И.В. Грецкого, Д.А. Данилова, А.К. Магомедова, М.Д. Малышевой, А.А. Сергунина, В.В. Сутырина, Е.Ю. Трещенкова, Л.Н. Шишлиной, А.В. Загорского, А. Витковского, Л. Адамского, А. Пола и Д. Риннерта изучаются позиции России и Польши в отношении программы ВП, взаимодействие ЕС со странами региона на дву- и многосторонней основе, роль региона ВП в современной геополитике.¹⁶

¹³ Kimball J.D. From dependency to the market: The uncertain future for think tanks in Central and Eastern Europe // *Think Tanks & Civil Societies*. – Routledge, 2017. – P. 251-272.

¹⁴ *Think tanks in Central and Eastern Europe: A comprehensive directory*. Washington, DC: The Freedom House Press. – 1999.

¹⁵ Jezierska K. et al. Dangling in a vacuum: A presentation of Polish think tanks in political life // *East European Politics and Societies*. – 2021. – Vol. 35. – №. 03. – P. 812-836; Jezierska K. Performing independence. The apolitical image of Polish think tanks // *Europe-Asia Studies*. – 2018. – Vol. 70. – №. 3. – P. 345-364; Jezierska K. Coming out of the liberal closet. Think tanks and de-democratization in Poland // *Democratization*. – 2023. – Vol. 30. – №. 2. – P. 259-277; Jezierska K. Three types of denial: Think tanks as a reluctant civil society elite // *Politics and Governance*. – 2020. – Vol. 8. – №. 3. – P. 152-161; Zbieranek P. et al. Polski model organizacji typu think tank. – Wydawnictwo Naukowe Scholar Sp., 2011; Sus M. Still lagging behind? Foreign policy think tanks in Poland: origins and contemporary challenges // *Think Tanks, Foreign Policy and Geopolitics*. – Routledge, 2016. – P. 154-165.; Sus M., Bąkowski A., Szlachetko J. Think tanki w polskiej polityce zagranicznej. Współczesne wyzwania // *Think tanki jako fenomen światowy*. Gdansk. – 2012. – P. 116-41; Cadier D., Sus M. Think tank involvement in foreign policymaking in the Czech Republic and Poland // *The International Spectator*. – 2017. – Vol. 52. – №. 1. – P. 116-131; Czuputowicz J., Stasiak D. Political expertise in Poland in the field of foreign policy and the emergence of think tanks // *Policy expertise in contemporary democracies*. – Abingdon: Routledge, 2016. – P. 165-182.

¹⁶ Айвазян А.С. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? – М.: Ин-т Европы РАН, 2022; Айвазян А.С. Возрастающее влияние ЕС в государствах Южного Кавказа // *Европейский Союз: факты и комментарии*. – 2022. – № 108. – С. 107-110; Бахтуридзе З.З. Внешняя политика Грузии (1991-2014 гг.): ключевые ориентиры и партнёры. – Санкт-Петербург: Аврора, 2015; Бахтуридзе З.З. Внешнеполитический курс Грузии в XXI веке: региональное измерение. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 2018; Бахтуридзе З.З. Региональный потенциал обеспечения безопасности Южного Кавказа // *Геополитика и безопасность*. – 2017. – № 4 (40). – С. 54-61; Болгова И.В. «Восточное партнёрство»: неоднозначные результаты // *Современная Европа*. – 2016. – № 6 (72). – С. 63-71; Борко Ю.А. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее. М.: Ин-т Европы РАН, 2018; Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор // *Современная Европа*, 2017. – № 1 (73). – 10-21; Данилов Д.А. Политические отношения Россия — ЕС: эволюция и перспективы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. – 2021. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 121–138; Данилов Д.А. и др. Украинский кризис: экспертная оценка // *Современная Европа*. – 2014. – № 3 (59). – С. 10-34; Магомедов А.К. Постсоветский Каспий: энергоресурсы, трубопроводы и сырьевой базис региональных и национальных политических режимов. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2019; Малышева Д.Б. «Восточное партнёрство» и постсоветские государства // *Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред. А.С.*

Особое место занимают аналитические записки и доклады российских и польских экспертно-аналитических центров по тематике ВП – ИМЭМО РАН, Института Европы РАН, Российского совета по международным делам, Международного дискуссионного клуба «Валдай», Российского института стратегических исследований, Польского института международных отношений, Центра восточных исследований, Института Центральной Европы, Института общественных дел и пр.

Объектом исследования выступают экспертно-аналитические центры как участники процесса принятия внешнеполитических решений.

Предметом исследования являются роль и место российских и польских экспертно-аналитических центров в разработке внешнеполитических решений.

Цель данного исследования состоит в выявлении специфики российских и польских экспертно-аналитических центров, их функций, а также факторов, влияющих на их роль и место в политическом процессе.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотреть причины и условия возникновения ЭАЦ, их трансформацию в историческом измерении;
- изучить роль ЭАЦ, в процессе принятия внешнеполитических решений;
- проследить, каким образом появились ЭАЦ в России и Польше, и какие факторы повлияли на их возникновение;
- выявить специфику функционирования ЭАЦ в России и Польше;
- определить методы влияния российских и польских ЭАЦ на механизм выработки внешней политики этих двух стран;
- рассмотреть институциональные/структурные факторы, влияющие на деятельность ЭАЦ как участника политического процесса.

Хронологические рамки исследования носят подвижный характер и определяются в зависимости от исследовательских задач. Первая глава, составляющая теоретическую основу исследования, изучает проблему

Прозоровский, В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – С. 41-44; Арутюнян О.В., Сергунин А.А. Между Сциллой и Харибдой: программа «Восточного партнерства» на перекрестке геополитических интересов Евросоюза и России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 108-119; Сутырин В.В. Трансформация Восточного партнёрства ЕС после 2014 года // Современная Европа. – 2020. – № 2. – С. 111-122; Трещенков Е.Ю. «Восточное измерение» политики соседства Европейского Союза: возникновение и эволюция // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2010. – № 4. – С. 118-129; Шишелина Л.Н. Программа Восточного партнёрства-задачи нового десятилетия // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2. – С. 22-28; Gretskiy I., Treshchenkov E., Golubev K. Russia's perceptions and misperceptions of the EU Eastern partnership // Communist and post-communist studies. – 2014. – Vol. 47. – № 3-4. – P. 375-383; Sergunin A. Bridging a (mis) perceptual gap: the EU's Eastern Partnership and Russian policies in the Trans-Caucasus // Bilge Strateji. – 2013. – Vol. 5. – № 8. – P. 17-37; Zagorski A. Eastern Partnership from the Russian perspective // Internationale Politik und Gesellschaft. – 2011. – Vol. 3. – № 5. – P. 41-61; Wittkowsky A. Russia, the EU, and the Eastern Partnership: Intentions and Perceptions // Россия и Восточное партнёрство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? Сборник докладов международной конференции. – Санкт-Петербург: Левша, 2010. – С. 8-21; Adamski Ł. et al. Eastern Partnership and the Polish Presidency // The Polish Quarterly of International Affairs. – 2011. – Vol. 20. – № 1. – P. 48-58; Paul A. Eastern Partnership, the Russia-Ukraine War, and the Impact on the South Caucasus. – Rome: Istituto Affari Internazionali, 2014; Rinnert D. The Eastern Partnership in Georgia. Increasing Efficiency of EU Neighborhood Policies in the South Caucasus? // Berlin: German Institute for International and Security Affairs. – 2011. – Vol. 5. – № 1. – P. 3-23.

формирования ЭАЦ с начала 20-го века, когда они впервые начали появляться. Решение исследовательских задач во второй и третьей главах требует изучения того, как возникали и развивались первые ЭАЦ в Советском Союзе и социалистической Польше. Несмотря на то, что экспертно-аналитические центры являются продуктом американской политической среды, их аналоги (под разными названиями) действовали в СССР и Польше ещё при социализме. В Советском Союзе первые ЭАЦ, работавшие в области социальных наук, начали создаваться в конце 1950-х и в 1960-е гг. В свою очередь, в Польше они начали появиться после Второй мировой войны. В последней главе работы анализируется роль российских и польских ЭАЦ в разработке политического курса Москвы и Варшавы в отношении проекта ВП. Нижняя хронологическая рамка данной главы - 2009 г., когда была запущена программа, верхняя - 2023 г., когда состоялся последний саммит партнерства.

В результате парламентских выборов 2023 г. пришло к власти коалиционное правительство Д. Туска, но наше исследование ограничено правлением ПиС, так как при Д. Туске пока чётко не определилась политика ни в отношении ЭАЦ, ни в отношении ВП.

Источниковую базу исследования составил широкий круг оригинальных документов на русском и иностранных (польском и английском) языках. В частности, использовались международные документы, принятые в рамках международных организаций (в первую очередь, ЕС); международные договоры и соглашения России и Польши, а также государств-участников ВП; внутренние нормативные акты России и Польши, регулирующие деятельность ЭАЦ, политических партий и общественных организаций; статистические данные различных ведомств двух указанных государств, а также официальные заявления, сделанные их должностными лицами. В этом отношении особо выделяются нормативные акты России и Польши – Конституция РФ 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, и Конституция Республики Польша 1997 г., а также законы о деятельности организаций гражданского общества. Кроме того, источниками для исследования стали тексты, содержащие общие стратегические принципы, которыми российское и польское руководство руководствовались при определении курсов международной политики. К таким источникам относятся Приоритеты внешней политики Польши на 2012–2016 гг., Стратегия внешней политики Польши на 2017–2021 гг., а также Концепция внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023 г.

Методологическая основа исследования. В работе использованы следующие методологические подходы и исследовательские методы.

- институциональный подход, помогающий охарактеризовать экспертно-аналитические центры как устойчивые учреждения, действующие в рамках определённой политической системы, а также в конкретной организационной и интеллектуальной среде;

- структурно-функциональный подход, позволяющий, с одной стороны, изучить способ организации экспертно-аналитических сообществ России и

Польши, а, с другой – выявить те функции и задачи, которые выполняют ЭАЦ во взаимодействии с властью и обществом;

- децизионный метод, нацеленный на определение роли и места ЭАЦ в системе принятия внешнеполитических решений двух изучаемых стран;
- метод сравнительного анализа необходим для выявления сходств и различий между ЭАЦ России и Польши;
- метод case studies (изучение проблемы на конкретных примерах), позволивший изучить, как работают ЭАЦ России и Польши на примере программы ЕС «Восточного партнерство»;
- метод экспертного интервьюирования. Автором данного исследования были проведены интервью с представителями российских ЭАЦ, которые дополнили представление как об идейно-политических позициях конкретных экспертно-аналитических центров, так и о методах их воздействия на механизм выработки международного курса РФ.

В целом системное сочетание различных методологических подходов и методов научного анализа дало возможность проведения комплексного исследования изучаемой проблемы.

Научная новизна работы определяется тем обстоятельством, что автором проведено одно из первых в российской политической науке комплексных исследований ЭАЦ Польши. В диссертации также рассматривается в системном ключе процесс возникновения и развития ЭАЦ России и Польши в исторической перспективе, их нынешнее состояние и роль в механизме принятия внешнеполитических решений на основе сравнительного анализа. Впервые анализируются институциональные барьеры, которые препятствуют российским и польским ЭАЦ играть важную роль в процессе принятия решений. Данное исследование также впервые рассматривает роль ЭАЦ в разработке внешней политики обеих стран не только на теоретическом уровне, но и в практическом плане – на примере проекта ВП.

Теоретическая значимость. Первоначально литература об ЭАЦ, впервые появившихся в США, была в основном посвящена изучению опыта этой страны. В результате характеристики этих институтов и их роли в принятии внешнеполитических решений в значительной степени определялись, исходя из американской политической практики. Однако создание большого количества ЭАЦ в бывших социалистических странах, таких как Россия и Польша, а также в Китае (в последнем находится больше всего ЭАЦ в мире после США), стало новым вызовом господствующим определениям и характеристикам ЭАЦ в имеющейся научной литературе. В этой связи в данной работе предлагаются новые наблюдения и обобщения, ещё не встречавшиеся в существующей политологической литературе. В частности, результаты данного исследования позволяют сделать теоретические обобщения относительно того, как возникали и развивались ЭАЦ в странах, отличных от западной модели либеральной демократии, какие факторы продолжают влиять на их дальнейшую эволюцию, какие функции они выполняют, и какую роль они играют в различных незападных политических системах.

Данная диссертационная работа предлагает в теоретическом плане такие исследовательские подходы, которые позволяют продемонстрировать ограниченность англосаксонского взгляда на ЭАЦ. Оно даёт ответы на вопросы о том, как институциональная среда, в которой действуют ЭАЦ, в частности, в России, где процесс принятия внешнеполитических решений имеет более централизованный характер, и в Польше, перешедшей от либеральной демократии к нелиберальной с 2015 г., влияет на деятельность этих учреждений, а также формулирует научную «повестку дня» на будущее.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты данного исследования могут быть эффективно использованы как ЛПР и внешнеполитическими учреждениями различных стран, так и всеми заинтересованными лицами, стремящимися ознакомиться с деятельностью ЭАЦ и оценить их влияние на внешнеполитический процесс, в частности в России и Польше. Результаты исследования также могут быть использованы в преподавательской деятельности, в качестве учебно-методических материалов в рамках курсов по внешней политике различных стран, теории международных отношений и внешнеполитического анализа.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Традиционные определения ЭАЦ, являвшиеся продуктом англосаксонской культуры, претерпели значительные изменения начиная с 1980-х гг. в связи с появлением множества таких центров за пределами западного мира. Особенно ярко это проявляется в странах Восточной Азии, на которые оказывает влияние Китай, а также в странах ЦВЕ, где самое большое количество ЭАЦ приходится на Россию и Польшу. Современные определения акцентируют внимание на той роли, которую ЭАЦ играют в формировании и реализации внешнеполитического курса, а не на их организационной структуре.

2. Формирование ЭАЦ в России и Польше в постсоциалистический период происходило частично под влиянием англосаксонской модели, чему способствовала западная поддержка. Однако исторические, социальные и политические особенности этих стран обусловили необходимость новых подходов к пониманию природы и функций ЭАЦ, что привело к различным траекториям их развития. Несмотря на это, роль государства остаётся ключевой в обеих странах.

3. В России ЭАЦ, работающие в сфере внешней политики, играют важную роль в процессе принятия решений. Однако профессионализация государственного аппарата в сфере внешней политики и наличие собственных исследовательских подразделений в государственных структурах в ряде случаев ограничивают влияние ЭАЦ на этот процесс. Тем не менее ЭАЦ проявляют себя особенно активно в периоды, когда внешняя политика сталкивается с крупными парадигмальными изменениями, требующими глубокого анализа и использования качественной и комплексной информации. В формулировании и реализации таких концепций, как «Большая Евразия», стратегия «поворота на Восток» и идея «мирового большинства», ключевые российские ЭАЦ сыграли (и играют) значительную роль, оказав существенное влияние на их разработку и имплементацию.

4. В Польше, напротив, ЭАЦ играли более активную роль в процессе принятия решений, особенно в период политических реформ конца 20-го и начала 21-го века, когда процесс формирования внешней политики отличался большей прозрачностью и открытостью. Однако с приходом к власти партии ПиС в 2015 г. произошёл так называемый «демократический откат», который негативно отразился на секторе ЭАЦ Польши и существенно ограничил их участие в процессе выработки внешнеполитических решений.

5. Возникновение, развитие, роль ЭАЦ, а также их способы влияния на процесс принятия внешнеполитических решений в значительной степени определяются наличием институциональных барьеров/факторов. Их характеристики значительно отличаются в России и Польше, что приводит к существенным различиям в деятельности ЭАЦ этих двух стран.

6. В 1990-х гг. зарубежные фонды играли важную роль в становлении ЭАЦ в России и Польше. Однако в России попытки их вмешательства во внутреннюю политику страны привели к введению законодательных ограничений, что снизило их влияние. В Польше, напротив, западная поддержка способствовала укреплению роли ЭАЦ в политике.

7. Масштабные внешнеполитические проекты способствуют росту спроса на продукцию ЭАЦ, обеспечивающих профессиональную поддержку при разработке и реализации различных международных стратегий. Например, польские ЭАЦ активно участвовали в разработке программы ВП, а российские центры, такие как Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) при Научно-исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и Международный дискуссионный клуб «Валдай», внесли значительный вклад в инициативы «поворот на Восток» и создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования, утверждённого Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: 2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин. 3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики. 9. Геополитические факторы и процессы. 12. Внешняя политика и дипломатия.

Апробация диссертационного исследования. Материалы диссертационного исследования были апробированы в выступлениях автора на научных мероприятиях с докладами или комментариями (конференциях, круглых столах, семинарах); в ходе педагогической практики в период обучения в аспирантуре Санкт-Петербургского государственного университета; в трёх научных публикациях, общим объёмом 3,44 п.л., опубликованных в рецензируемых научных изданиях,

рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации определена в соответствии с решаемыми исследовательскими задачами и включает введение, четыре главы, заключение, список сокращений, источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы и раскрыта её степень разработанности в научной литературе. Определены объект, предмет и цель исследования, а также сформулированы научные задачи, которые необходимо решить для достижения поставленной цели. Описана научная проблема, изучаемая в диссертационном сочинении, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования. Также во введении дана характеристика источниковой базы работы, методологической основы и применяемых в работе научных методов. Сформулированы основные положения, выносимые на защиту, охарактеризованы апробация результатов исследования и основные публикации по изучаемой теме.

В первой главе **«Роль и место экспертно-аналитических центров в процессе принятия внешнеполитических решений»** рассмотрены различные подходы к определению ЭАЦ как в англосаксонской научной литературе, где они появились впервые, так и в политологических исследованиях других стран, включая Россию. В отличие от западных определений, делающих акцент на организационно-правовом и финансовом статусе ЭАЦ, в данном исследовании под этими центрами понимаются организации, занимающиеся изучением внешнеполитических, экономических и социально-политических проблем и разработкой рекомендаций для всех заинтересованных лиц с целью влияния на принятие политических решений, и чья исследовательская программа в значительной степени определяется самостоятельно, независимо от того, с каким учреждением они юридически и финансово связаны.

В данной главе были изучены причины появления ЭАЦ как в западных странах, так и в бывших социалистических странах, включая Россию и Польшу. К ним относится стремление ЛПР организовать более качественную и эффективную систему внешнеполитической экспертизы, основанную на научных подходах; потребность в более открытом и поддающемся общественному контролю механизме формирования международного курса; необходимость учёта интересов различных социальных групп в процессе выработки внешней политики; желание политического руководства наладить механизмы «обратной связи» для понимания реакции внутренней и внешней аудитории на его действия, а также для корректировки избранного политического курса и пр.

В данной главе также была дана типология ЭАЦ на основе различных критериев и представлен ряд теоретических подходов к анализу роли ЭАЦ в политической системе - плюралистический, элитарный, государство-центричный и институциональный. На основе этого анализа были определены ключевые функции ЭАЦ, их влияние на политический процесс и основные роли, которые они выполняют. Особое внимание уделено таким функциям, как предоставление информации, проведение аналитических исследований, разработка рекомендаций и содействие политическому диалогу. Кроме того, обсуждены ограничения, с которыми сталкиваются ЭАЦ при попытке оказывать влияние на политический процесс.

Во второй главе, **«Экспертно-аналитические центры России и их влияние на принятие внешнеполитических решений»**, показан процесс формирования и исторического развития российских ЭАЦ. Были выделены три этапа эволюции ЭАЦ – советский период, 1990-е гг. и этап, начавшийся с прихода к власти Президента РФ В. В. Путина и продолжающийся до сих пор. Были выявлены особенности каждого этапа становления ЭАЦ, а также определено влияние институциональной среды на развитие, рост и значимость этих центров в России. Особое внимание уделено таким аспектам, как процесс принятия внешнеполитических решений, факторы спроса и предложения в политическом анализе, позиции политических партий, роль гражданского общества и источники финансирования ЭАЦ. В главе также рассмотрено, как особенности российской политической системы и её исторический контекст формируют условия принятия внешнеполитических решений, и раскрыта роль ЭАЦ в этом процессе.

Сделан вывод о важной роли ЭАЦ в формировании современного российского международного курса, что отражает потребность российских ЛПР в качественной и научно обоснованной внешнеполитической экспертизе. Вместе с тем, рост профессионализма государственного внешнеполитического аппарата, создание в его рамках собственных мощных аналитических подразделений, недостаток внимания со стороны бизнес-сообщества и политических партий к ЭАЦ – всё это снижает востребованность в этих центрах, приводит к проблемам с их финансированием и, в конечном счёте, ограничивает их возможности влиять на процесс принятия внешнеполитических решений.

Третья глава **«Экспертно-аналитические центры Польши и их влияние на принятие внешнеполитических решений»**, посвящена изучению развития польских ЭАЦ и их роли в политическом процессе. Выделены следующие этапы в историческом развитии этих центров: социалистический период (1945-1989 гг.); эпоха радикальных социально-экономических и политических реформ (1989-конец 1990-х-начало 2000-х гг.), завершающаяся принятием конституции 1997 г., президентскими (2000 г.) и парламентскими (2001 г.) выборами; период относительной экономической и политической стабилизации (2001-2015 гг.); переход от либеральной к нелиберальной демократии в период правления партии ПиС (2015–конец 2023 гг.). В данном исследовании не затрагивается период правления Д. Туска, вновь пришедшего к власти в декабре 2023 г., так как при нём пока не определилась в полной мере политика польского руководства в отношении ЭАЦ и Программы «Восточное партнёрство».

Развитие ЭАЦ в Польше отражает трансформацию политической и социально-экономической среды страны на протяжении нескольких десятилетий. Влияние ЭАЦ изменялось в зависимости от господствующих политических режимов и идеологий. В Польской Народной Республике эти центры находились под государственным контролем, но с ослаблением социалистической системы и переходом к демократии они стали играть более независимую роль. В постсоциалистический период ЭАЦ сыграли важную роль в подготовке страны к вступлению в ЕС и НАТО, однако их влияние менялось в зависимости от политической конъюнктуры и источников финансирования. Так, с приходом к

власти партии ПиС, консервативные ЭАЦ получили приоритетное положение, что сопровождалось уменьшением роли либеральных и независимых центров.

Подобно тому, как это происходило в России, институциональная среда в Польше повлияла на развитие ЭАЦ и их роль в политическом процессе. Структура процесса принятия внешнеполитических решений в Польше претерпела значительные изменения с 1989 г. Сначала, во время переходного периода, парламент играл ключевую роль, но со временем на первый план вышли президент и премьер-министр. Особенно заметные изменения произошли с принятием так называемой «Малой конституции» в 1992 г. и новой конституции в 1997 г., которая укрепила роль премьер-министра и Совета министров. Эти изменения повлияли на роль ЭАЦ, которые в разные периоды сталкивались с различными уровнями доступа к ЛПР. В последние годы, особенно после 2015 г., влияние независимых и либеральных центров уменьшилось, в то время как консервативные ЭАЦ, тесно связанные с государством, стали играть более заметную роль.

Что касается спроса на услуги ЭАЦ, то интерес к ним со стороны правящей элиты остаётся недостаточно высоким. Активное развитие внутреннего экспертного потенциала в государственных учреждениях привело к тому, что политическое руководство предпочитает использовать кадровый ресурс государственной бюрократии вместо привлечения внешних экспертов. Кроме того, за последние годы наблюдаются тенденции к централизации процесса принятия решений, усилению контроля, сокращению консультаций и ослаблению роли парламента, что, в свою очередь, также снижает спрос на экспертов как в области внешней политики, так и в других сферах. Сотрудничество между ЭАЦ и политическими партиями в Польше развивается, однако оно слабо представлено во внешнеполитической области. Недостаток знаний у политиков о функциях ЭАЦ и отсутствие доверия к ним представляют собой значительные препятствия, усиливающие действие этих факторов.

В четвёртой главе, **«Программа «Восточное партнёрство» и роль российских и польских экспертно-аналитических центров»**, анализируется влияние ЭАЦ России и Польши на процесс выработки политической стратегии этих стран в отношении программы ВП. Описаны история и содержание данной программы ЕС, особенности политики Брюсселя в отношении каждой из шести стран-участниц партнёрства, роль Польши в выдвижении этой инициативы и реакция России на программу ВП с момента её запуска до наших дней.

Поскольку Москва не была инициатором и участником партнёрства, российские ЭАЦ были вынуждены ограничиться лишь оценкой содержания программы ВП, её возможных последствий для России и выработкой рекомендаций политическому руководству страны в отношении этого проекта ЕС. За исключением некоторых, весьма немногочисленных, позитивных и нейтральных оценок ВП, большинство аналитических разработок российских ЭАЦ имели ярко выраженный скептический и критический характер в отношении этой инициативы ЕС. Российские эксперты считали, что программа ВП с самого начала носила антироссийский характер и была нацелена на отрыв постсоветских стран Восточной Европы и Южного Кавказа от России, «торпедирование» собственных

интеграционных проектов Москвы на евразийском пространстве и формирование энергетических потоков в обход РФ. Они считали данную программу ЕС одной из важнейших причин украинского кризиса и ухудшения отношений с Молдовой, Грузией, а в последнее время и с Арменией.

В отличие от российских центров, польские ЭАЦ играли важную роль в выработке программы ВП, её имплементации, мониторинге и корректировке. Среди польских экспертов существуют две различные точки зрения относительно успешности программы ВП. Согласно одному мнению, программа считается успешной, так как якобы она принесла много пользы в укреплении политических, экономических и культурных отношений между ЕС и его восточными соседями. Эти эксперты подчёркивают, что благодаря финансовой поддержке ЕС, в рамках программы было реализовано множество проектов, таких как модернизация инфраструктуры, улучшение качества жизни, развитие бизнеса и торговли, охрана окружающей среды и борьба с трансграничной преступностью в партнерских странах.

Другая группа польских аналитиков считает, что программа ВП не достигла ожидавшегося успеха и целей, поставленных её создателями. Они также подчёркивают, что программа сделала восточное пограничье ЕС ещё более нестабильным и небезопасным. Угрозы безопасности, которые беспокоят шесть стран на восточной границе ЕС, до сих пор не были устранены, и не было найдено решения для региональных территориальных споров. Эти эксперты отмечают неэффективное использование механизмов и финансовых средств ВП, высокий уровень коррупции и низкое качество правящих элит в странах партнёрства, что тормозит реализацию этой программы ЕС, а подчас ставит её на грань провала.

С переходом украинского кризиса в фазу вооружённого противоборства в 2022 г. большинство аналитических материалов польских ЭАЦ было посвящено не ВП, а украинско-российским и российско-европейским отношениям в контексте военных действий на Украине. Свою роль сыграл и факт предоставления Украине и Молдове статуса кандидата на вступление в ЕС. Польские эксперты считают, что отношения этих стран с ЕС в будущем будут строиться напрямую, уже вне рамок ВП. Тематика партнёрства остаётся актуальной только для Армении и Грузии и в какой-то степени для Азербайджана. По этим причинам ВП больше не является важным приоритетом исследовательской повестки польских ЭАЦ.

В Заключении подведены итоги и сформулированы основные выводы исследования в сравнительной перспективе.

Поскольку ЭАЦ впервые возникли в англосаксонской политической культуре, её уникальные черты стали решающими для формулирования определений ЭАЦ в политической науке на начальном этапе изучения этой темы. По этой причине многие эксперты подчёркивают, что отличительными критериями для таких учреждений являются независимость от государства, политических партий и групп интересов, направленность их деятельности на цели, отличные от получения прибыли. В итоге определения ЭАЦ, преобладающие в западной литературе, не отражают особенности подобных структур в постсоциалистических странах, включая Россию и Польшу.

С 1980-х гг. появление ЭАЦ в политических системах, отличных от англосаксонских, привели к изменению доминирующих критериев в литературе о ЭАЦ и появлению новых определений этого термина. В политических системах, характеризующихся как нелиберальные демократии, государственное финансирование становится решающим для экономического благополучия ЭАЦ, так как либо отсутствуют альтернативные источники финансирования, либо они относительно слабы. В таких случаях критерий «независимости» от государства в определении ЭАЦ утрачивает свою актуальность. В результате были разработаны определения, которые ориентированы не на организационную структуру и способ финансирования, а на ту роль, которую эти институты играют в политической системе страны.

После распада социалистической системы ЭАЦ России и стран ЦВЕ в значительной степени формировались по образцу англосаксонской модели в организационном и институциональном планах. Основным фактором, способствовавшим этому, была поддержка новых центров со стороны западных фондов и участие экспертов, направляемых ими для создания данных учреждений. Однако со временем ряд политических, культурных, экономических и социальных факторов создал такую ситуацию, в которой многие из качеств, выделяемых в англосаксонских определениях ЭАЦ, просто отсутствовали у ЭАЦ России и стран ЦВЕ. Отсюда и возникла потребность в новых подходах к пониманию природы ЭАЦ.

В Польше и России, которые имели схожие социальные, экономические и политические структуры в эпоху социализма, развитие сектора ЭАЦ в период «холодной войны» и в первой половине 1990-х гг. происходило по схожим моделям и принципам. В начальный период государство играло главенствующую роль в секторе ЭАЦ, но с началом демократических преобразований на первый план вышли структуры гражданского общества, которые поддерживали западные фонды. В этот период появилось много новых ЭАЦ, созданных гражданским обществом. На сегодняшний день, несмотря на значительные различия в польском и российском секторах ЭАЦ, их объединяет схожая роль государства в развитии и финансировании данной сферы. Самые влиятельные ЭАЦ, занимающиеся внешней политикой Польши, созданы и финансируются государством. Аналогично, в России государство является ключевым элементом в функционировании «индустрии» ЭАЦ.

В обеих странах существуют центры, созданные гражданским обществом, но в Польше их численность больше. В отличие от России, ЭАЦ, созданные гражданским обществом в Польше, различаются в первую очередь идеологически и в этом отношении в определенной степени действуют как активистские ЭАЦ. Идеологическая поляризация двух доминирующих партий в польской политике - «Права и справедливости» и «Гражданской платформы», привела к тому, что это различие отразилось и на характере ЭАЦ. Вклад вышеуказанных партий в развитие экспертно-аналитических центров и близкое сотрудничество с ними составляют основу идеологического разделения среди ЭАЦ.

В то время как либеральные и центристские ЭАЦ доминировали в Польше до 2015 г., после прихода к власти «ПиС» на первый план вышли правоконсервативные центры. Еще одной польской особенностью является то, что ЭАЦ, ранее не бывшие партийными и сохранявшие идеологический нейтралитет, были вынуждены прибегнуть к политическому позиционированию, чтобы привлечь финансирование и участвовать в принятии политических решений. В России, с другой стороны, не прослеживается глубокого идеологического разделения между центрами, особенно в области внешней политики. В период президентства Д.А. Медведева с 2008 по 2012 гг. идеологические различия в определенной степени возникли, однако в последующем этот аспект потерял свою значимость. На сегодняшний день в России преобладают центристские и государственно-ориентированные ЭАЦ.

Ещё одним важным фактором, отличающим польские центры от российских, является то, что они стремятся оказывать влияние на процесс принятия решений не только на национальном, но и на европейском уровнях. Это может быть как преимуществом, так и недостатком этих центров. С одной стороны, это даёт им возможность получать больше финансирования, но в то же время разнообразие тем исследований и неспособность получить ожидаемый источник финансирования могут привести к недостаточно качественно проведённым исследованиям.

Ещё одно различие между российскими и польскими ЭАЦ, работающими в сфере внешней политики, касается их ключевых функций. Российские ЭАЦ, созданные непосредственно или косвенно государством, видят своей важной задачей не только подготовку аналитических материалов для ЛПР, но и информирование зарубежных политиков, экспертное сообщество и широкую общественность о российской позиции по тем или иным вопросам международной жизни. В этом плане производимые ими материалы и организуемые мероприятия ориентированы не столько на внутреннюю, сколько на внешнюю аудиторию. Таким образом, можно сделать вывод, что эти центры активно занимаются публичной дипломатией, которая относится к числу их важнейших задач, наряду с обеспечением ЛПР необходимой информацией. Для польских ЭАЦ участие в публичной дипломатии своей страны также свойственно, но в гораздо меньшей степени, чем для российских.

Институциональные различия, существующие в разных политических системах, играют важную роль в формировании и развитии ЭАЦ, определяя их роль и структуру. Институциональная среда, в которой действуют ЭАЦ, может влиять как на их отношения с правящей элитой и, как следствие, участие в процессе принятия решений и влияние на окончательные решения, так и на внутреннюю структуру этих центров. Процедура принятия решений, спрос на материалы аналитических центров, структура гражданского общества, механизм финансирования ЭАЦ являются важными институциональными факторами. По этим критериям Польша и Россия в определённой степени отличаются.

Способность ЭАЦ влиять на процесс принятия решений зависит от множества факторов. Возможность внешнего влияния на процесс принятия решений, наличие институциональных механизмов, которые позволяют участвовать ЭАЦ в этом процессе, отношение ЛПР к этим организациям, качество «продуктов»

ЭАЦ, степень профессионализма сотрудников госаппарата и, наконец, своевременное создание материалов, соответствующих внешнеполитической «повестке дня» страны — все эти факторы играют важную роль.

В России механизм принятия внешнеполитических решений характеризуется высокой степенью централизации, что обусловлено президентской формой правления, при которой выработка и реализация международного курса страны находится в руках высших эшелонов исполнительной власти, а парламент обладает гораздо меньшими полномочиями в этой сфере политики. Однако в России существуют механизмы, обеспечивающие институциональный уровень вовлечения ЭАЦ в процесс принятия решений. В частности, Научно-экспертный совет при Совете безопасности РФ, подвергшийся ревизии в 2022 г., является институциональной частью этого процесса, особенно в формировании внешнеполитических решений.

В современной научной литературе происходят изменения относительно функций и значимости ЭАЦ. По мнению ряда учёных, ЭАЦ формируются в зависимости от запросов политической системы, в которой они работают, и оказывают влияние на процессы принятия решений в рамках своей внутренней динамики. Ключевой вопрос заключается в том, какие именно функции ожидаются от этих институтов. В условиях сильной исполнительной власти России и входящих в неё исследовательских центров от ЭАЦ требуется иной формат вклада по сравнению с западными моделями. При этом данные организации эффективно выполняют возложенные на них задачи, успешно адаптируясь к существующим условиям.

В Польше после 2015 г., когда партия ПиС получила контроль за властью, произошли значительные изменения в институциональном контексте деятельности ЭАЦ. Этот процесс, который многие эксперты описывают как «демократический откат», сопровождался централизацией процесса принятия решений в области внешней политики и закрытостью для внешних влияний, сокращением финансирования и влияния гражданского общества, а также усилением государственного контроля над различными идеологическими структурами. Все эти институциональные изменения напрямую повлияли на деятельность ЭАЦ.

После 2015 г. централизация процессов принятия решений в Польше, ослабление консультационных механизмов и снижение роли парламента заметно уменьшили влияние либеральных и независимых ЭАЦ, в то время как влияние консервативных ЭАЦ, имеющих тесные связи с государством, значительно возросло. Исключение либеральных ЭАЦ из процесса принятия решений правыми консервативными элитами заставило их обращаться к СМИ как к основному каналу для прямого взаимодействия с обществом. Однако давление властей на средства массовой информации существенно ограничило возможности этих центров. В результате их влияние на процесс принятия решений через общественное мнение, так называемый «атмосферное влияние», оказалось заметно сокращено.

Одним из ключевых различий между Россией и Польшей является уровень взаимодействия лиц, принимающих решения, с ЭАЦ. В России эта практика менее развита, что объясняется наличием у внешнеполитических учреждений

собственных аналитических подразделений. Тем не менее, российское руководство демонстрирует значительный интерес к работе ЭАЦ. Это подтверждается повышением статуса РИСИ, созданием новых аналитических организаций в сфере внешней политики, а также регулярным участием высших должностных лиц, включая Президента В.В. Путина, в их мероприятиях. Все это подчёркивает важность, которую российское руководство придаёт деятельности ЭАЦ и их роли в принятии внешнеполитических решений.

Польская бюрократия имеет в этом плане значительно меньшие возможности и потому вынуждена полагаться на внешнюю экспертизу. Пример ВП особенно ярко демонстрирует механизм взаимодействия между польскими правительственными структурами и ЭАЦ, которые сыграли видную роль в разработке концепции этой программы ЕС и её реализации на практике. Кроме того, в Польше лучше функционирует система «вращающихся дверей» — перетекание кадров из государственного аппарата в ЭАЦ и наоборот, что также важно для характера взаимоотношений между ЛПР и этими центрами.

Влияние ЭАЦ на процесс принятия решений может возрасти в случае значительных изменений в международном курсе страны или в связи с инициированием крупных внешнеполитических проектов. Важные и крупномасштабные проекты требуют разработки стратегии, её практического воплощения в виде определённого политического курса, создания механизма имплементации и последующего контроля/мониторинга. В этот период возрастает потребность в ЭАЦ, поскольку разработка и реализация таких проектов требуют обеспечения ЛПР детальной и квалифицированной информацией, которую могут предоставить эти центры. Так же, как польские ЭАЦ сыграли важную роль в появлении, разработке и реализации проекта ВП, ряд российских центров, в первую очередь, ЦКЕМИ и клуб «Валдай», внесли свой вклад в такие крупномасштабные проекты, как «поворот» России на Восток и создание ЕАЭС.

Что касается механизма финансирования экспертно-аналитических центров, то в России государство финансирует ЭАЦ как непосредственно через закупки услуг, субсидии, так и косвенно через созданные государством фонды - Фонд Горчакова, Фонд «Русский мир», Фонд президентских грантов. Однако, в отличие от тех западных стран, где государство также доминирует в области финансирования ЭАЦ, в России у ЭАЦ меньше доступ к другим, негосударственным, источникам финансирования, так как крупный бизнес не проявляет особого интереса к получению экспертизы от ЭАЦ, система благотворительных фондов неразвита и существуют правовые ограничения на деятельность иностранных фондов, которые дискредитировали себя вмешательством во внутренние дела России.

В Польше, особенно после 2015 г., с приходом к власти партии ПиС, центральная роль государства в финансировании ЭАЦ также возросла, особенно с созданием Национального центра свободы. Государство распределяет свои собственные ресурсы, а также средства, поступающие из ЕС, с учётом идеологической близости к себе тех или иных центров. Однако, в отличие от России, в Польше наличие сильных политических партий, возможность использования

иностранных частных фондов и поддержка делового сообщества обеспечивают разнообразие финансовых источников, доступных для ЭАЦ, что способствует более разнообразному идеологическому «ландшафту» в экспертно-аналитической среде.

При всех различиях в организации и способах функционирования российских и польских ЭАЦ, экспертно-аналитические сообщества этих двух стран играют и будут играть заметную роль в формировании международного курса Москвы и Варшавы.

III. ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Адил Ч. Роль аналитических центров в турецко-российских отношениях: на примере кризиса 2015-2016 гг. // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67. – № 4. – С. 109-122.

2. Чихачев А.Ю., Адил Ч. Участие «мозговых центров» в принятии внешнеполитических решений: опыт Франции // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 97-105.

3. Адил Ч. «Мозговые центры» и политический процесс: роль и значимость в принятии решений // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 25. – № 4. – С. 75-85.

Публикации в иных изданиях:

1. Adil Ç. Russian and Turkish Foreign Policy Think Tanks: Institutional Barriers to Influence over Decision-Making // Uluslararası İlişkiler Dergisi. – Vol. 20. – № 79. – P. 165-182.

2. Adil Ç. Sovyetler Birliği Dış Politika Düşünce Merkezlerinin Soğuk Savaş Dönemi Karar Alma Sürecine Etkileri // Strata İlişkisel Sosyal Bilimler Dergisi. – 2022. – № 11. – P. 69-91 (Adil Ç. The Effects of Soviet Union Foreign Policy Think Tanks on the Cold War Era Decision-Making Process // Strata Journal of Relational Social Sciences. – 2022. – № 11. – P. 69-91).